

**«ЗАБЫВАТЬ СВОЙ ПОКОЙ
ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ДРУГИХ»**

Генерал-прокурор
Дмитрий Иванович
ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

ЗА ОТЛИЧИЯ В БАТАЛИЯХ

Князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский родился 20 сентября 1758 г. в богатой и родовитой дворянской семье. Он приходился праправнуком боярину и дворецкому царя Алексея Михайловича князю Ивану Ивановичу Лобанову. Его отец, ротмистр конной гвардии Иван Иванович Лобанов-Ростовский, и мать, Екатерина Александровна, урожденная Куракина, имели пятерых сыновей (двое из них умерли во младенчестве) и двух дочерей. Своим детям они дали прекрасное домашнее образование. С 14-летнего возраста Дмитрий был записан сержантом в лейб-гвардии Семеновский полк. Однако действительная служба началась для него только в 1779 г.; тогда же он получил и чин прапорщика. После этого молодой князь быстро стал продвигаться в чинах, чему способствовала не только знатность его происхождения, но и природный ум, сметливость, сочетавшиеся с исполнительностью и прилежным поведением.

Получив в 1783 г. чин подполковника, двадцатичетырехлетний офицер Лобанов-Ростовский вступил в действующую армию. Находясь в войсках Потемкина, он участвовал в покорении Крыма. Когда началась война с Турцией, Лобанов-Ростовский командовал батальоном Лифляндского егерского полка. Вскоре он был переведен в Ахтырский легкоконный полк, в составе которого участвовал в осаде Очакова. Зимой 1788 г., во время одного из отчаянных штурмов крепости, Лобанов-Ростовский был тяжело ранен в голову. За проявленную храбрость в этом бою он получил чин полковника. Залечив рану, князь снова прибыл в войска. По поручению Потемкина он «осматривал» Екатерининский гусарский полк, внеся предложение о его расформировании. Затем служил дежурным офицером при генерал-аншефе князе Ю.В. Долгоруком. В составе его армии Лобанов-Ростовский принимал участие в боевых действиях против турок под Кишиневом.

В 1790 г. он назначается командиром Апшеронского мушкетерского полка и поступает под командование А.В. Суворова, подходившего в это время к турецкой крепости Измаил. 11 декабря 1790 г. полковник Лобанов-Ростовский шел на штурм крепости во главе первой колонны мушкетеров Апшеронского полка. По выражению солдат, служивших под его командованием, «мужество свое в бою он простирает до бешенства». В жестоком сражении за овладение

Г.А. Потемкин

береговыми укреплениями Дмитрий Иванович получил тяжелую рану правого бедра. Турецкую пулю князь носил в своем теле всю жизнь. За мужество, проявленное при овладении Измаилом, Лобанов-Ростовский был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Едва оправившись от ран, он вновь в походах и сражениях. В июне 1791 г. он участвовал в знаменитой битве при Мичине, когда Репнин разбил 80-тысячную турецкую армию. В этом бою, как писал в донесении Репнин, Лобанов-Ростовский отбил «с отменным искусством и храбростью нападение неприятеля на наш резерв». Донесение об этой победе главнокомандующий поручил доставить в Петербург 32-летнему полковнику Лобанову-Ростовскому. В столице он был радушно принят императрицей Екатериной II и «пожалован» Георгиевским крестом 3-й степени.

Возвращаясь в армию, Лобанов-Ростовский, по предложению Екатерины II, заехал в Москву, чтобы навестить свою мать, которую давно не видел. Отец его умер в 1791 г.

Во время польской кампании Лобанов-Ростовский участвовал в сражениях при Любаре, Городище и особенно отличился при штурме Праги. За это сражение А.В. Суворов представил князя к ордену Св. Владимира 3-й степени, чину бригадира и вручил ему золотую шпагу с надписью «За храбрость». В Высочайшей грамоте от 1 февраля 1795 г. отмечалось, что Лобанов-Ростовский, «командуя колонною, ободрял собственным своим примером подчиненных, перешел под перекрестными выстрелами, вступил в ретраншмент, овладел батареями и простер поражение неприятеля даже до моста на Висле».

Успешная военная карьера Лобанова-Ростовского продолжалась и в царствование императора Павла I. Государь благоволил к нему, произведя вначале в генерал-майоры, а затем и генерал-лейтенанты, наградив орденом Св. Анны и имением в Московской губернии, с 403 душами крепост-

А.В. Суворов

ных. При Павле I он служил вначале командиром Псковского мушкетерского полка, а затем непродолжительное время был военным генерал-губернатором в Архангельске. Там он отличился тем, что сумел «разогнать» так называемое «Дружеское собрание» купца Кольморгена, за что император удостоил его Высочайшего рескрипта с такой формулировкой: «За осторожные меры, принятые в Архангельске». Однако спустя несколько дней после этого «благоденствия», 27 декабря 1797 г., Лобанов-Ростовский был уволен в отставку.

Почти десять лет боевой генерал не вступал ни на какую службу. Он проживал в своем имении, залечивал раны, занимался сельским хозяйством.

НА ПЕРЕГОВОРАХ С НАПОЛЕОНОМ

В начале царствования Александра I Россия вступила в войну с Наполеоном. Военные удачи перемежались с серьезными поражениями. Наиболее ощутимым из них было поражение объединенной австро-русской армии в 1805 г. под Аустерлицем. Вследствие этого Австрия заключила унижительный для себя Пресбургский мир, а русские войска откатились к границе. Правительство России приняло решение о срочном формировании ополчения. Было собрано свыше шестисот тысяч ратников, как правило, из крепостных крестьян, не обученных, вооруженных только пиками.

Продолжались военные неудачи. Престарелый фельдмаршал Каменский чуть не погубил всю армию в Польше. Заменявший его генерал Беннигсен первое время сдерживал французов под Прейсиш-Эйлау, за что был награжден орденом Св. Андрея Первозванного, но вслед за этим был разбит у Фридланда. России нужен был мир.

В конце 1806 г. князь Д.И. Лобанов-Ростовский — вновь на военной службе. Александр I, «уважая опытность князя, отличную службу и преданность отечеству», предложил ему принять командование над формируемой в Твери 17-й дивизией. Генерал должен был в кратчайшие сроки привести ее в боеспособное состояние. Император писал князю 6 февраля 1807 г.: «Я уверен, что в исполнении сего не предстанет рвению вашему о благе общем никаких непреодолимых трудностей и что представляющееся невозможным обратите вы в возможное способами, какие откро-

ют вам опытность, предусмотрительность и усердие к службе».

Дмитрий Иванович с присущей ему энергией занялся приведением в порядок дивизии, заслужив в скором времени Высочайшую благодарность, объявленную ему 1 марта «за попечение и заботливость к успешному образованию» вверенной ему дивизии.

Готовая к сражениям дивизия, руководимая Лобановым-Ростовским, присоединилась к армии Беннигсена, стоявшей около Тильзита. Здесь Александр I решил использовать боевого генерала для начала переговоров о мире и не ошибся в своем выборе. Князь с честью выполнил ответственное поручение. 7 июня 1807 г. он встретился в Тильзите с маршалом Бертье. Переговоры оказались успешными. Дмитрий Иванович держался с подобающим достоинством. Он сказал, в частности, что «Россия, при всей готовности положить конец кровопролитию, не согласится на мир, оскорбительный для ее достоинства; она не потерпит малейшего изменения в границах».

Лобанов-Ростовский удостоился от императора похвалы за его «отзывы и поведение с Бертье», а также получил наставление к предстоящей встрече с Наполеоном. Она состоялась 10 июня. Император Франции выразил благодарность Александру I за выбор такого «полномочного, о котором он слышал много хорошего», затем, подойдя к разложенной на столе карте, сказал: «Вот граница обеих империй: с одной стороны должен владычествовать ваш государь, с другой я». Князь ответил на это: «Государь мой твердо намерен защищать владения союзника своего короля Прусского». Наполеон продолжал давление, но Лобанов-Ростовский хладнокровно и твердо отстаивал интересы России. Затем был подписан акт о перемирии. В нем отмечалось, что военные действия прекращаются для «приступления к переговорам о мире»; были определены границы между русской и французской армиями, устанавливалось, чтобы французы не возобновляли военных действий против Пруссии и прочее. После этого Лобанов-Ростовский обедал у Наполеона и долго беседовал с ним.

Ознакомившись с актом о перемирии, Александр I уполномочил Лобанова-Ростовского вместе с его двоюродным братом, вице-канцлером Александром Борисовичем Куракиным, приступить к соглашению о мире.

15 июня в Тильзите состоялась историческая встреча императоров Александра I и Наполеона на плоту, посредине Немана. Русский император писал из Тильзита: «Бог нас

спас! Вместо жертв мы выходим из борьбы даже с некоторым блеском... Я провожу целые дни с Бонапартом, часами остаюсь с ним наедине...»

27 июня 1807 г. был заключен Тильзитский мирный договор. По нему польская часть Пруссии превратилась в великое герцогство Варшавское, отданное саксонскому королю; Россия получала Белостокскую область и обязалась, при посредничестве Франции, заключить с Турцией перемирие и вывести войска из Молдавии и Валахии, с тем, чтобы и турки не занимали этих княжеств до заключения мира. Франция и Россия обязывались помогать друг другу во всех войнах, причем России предоставлялась возможность распространить свое присутствие на Балканах и отвоевать у Швеции Финляндию.

Отмечая заслуги Лобанова-Ростовского при заключении мира в Тильзите, император «пожаловал» его чином генерала от инфантерии, наградил орденом Св. Александра Невского «за отличное усердие к службе и труды, подъятые им на пользу отечества при заключении с французами благополучного для России мира». Помимо этого князю было выдано 25 тысяч рублей.

Наполеон со своей стороны, с согласия Александра I, наградил Лобанова-Ростовского орденом Почетного Легиона большого креста, богатой табакеркой с собственным портретом и великолепным фарфоровым сервизом.

1 января 1808 г. Лобанов-Ростовский возвратился в Россию. Здесь он был назначен военным генерал-губернатором Петербурга. На этом поприще он заслужил алмазный знак ордена Св. Александра Невского «за отличное усердие и ревность, коими служба его была всегда знаменема».

2 февраля 1809 г. по состоянию здоровья он вынужден был оставить службу. Прошло три месяца. Не привыкший к бездеятельности Лобанов-Ростовский, «при тогдашних военных обстоятельствах», вернулся в войска. Он был направлен к князю Голицыну, стоявшему со своей армией в Галиции. Поскольку здесь никаких военных действий не предвиделось, князь стал проситься в Финляндию, где русские войска вели успешное наступление против Швеции. Но такое перемещение не состоялось. Только после заключения мира со Швецией, император в письме на имя Лобанова-Ростовского отметил, что молчание его на рапорт князя происходило «не от неудовольствия или каких-либо неблагоприятных впечатлений, но единственно от уважения, которое он всегда оказывал усердию и заслугам его; что он

не желал согласием своим поставить его в неприятное положение явиться в армию на короткое время, по случаю последовавшего вскоре прекращения военных действий; что ныне от него зависит лично удостовериться в неизменном участии и всегдашнем благоволении, коим он к нему преисполнен».

В декабре 1810 г. Лобанов-Ростовский получил новое назначение. Он был направлен военным губернатором Риги и генерал-губернатором Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. На этом посту он оставался до начала Отечественной войны 1812 г. Дмитрий Иванович принял деятельные меры по охране западной границы России, увеличил рижский гарнизон до 12 тысяч человек. Была усилена Дюнаминдская крепость, а также флотилия, стоявшая в заливе. 3 мая 1812 г. Александр I предложил ему еще более укрепить оборону Риги. Он писал: «Хотя я учился фортификации, однако же счел не бесполезным еще вновь ее пройти в нынешних обстоятельствах, что прошу и вас равномерно сделать... Полагаю мою доверенность на храбрость, заботливость и усердие ваше, и надежду на Всевышнего».

«Я УВЕРЕН В ВАШЕМ ПАТРИОТИЗМЕ»

Вторжение Наполеона в Россию 11 июня 1812 г. заставило Лобанова-Ростовского вернуться в армию. Боевой генерал не мог в это тяжелое для империи время находиться вдали от военных действий. Правда, на этот раз ему не пришлось участвовать в баталиях. В обязанности генерала от инфантерии теперь входили не менее ответственные дела — формирование резервов для действующей армии. Учитывая испытываемый Россией хронический недостаток в вооружении и амуниции, задача перед князем стояла довольно сложная. Обстоятельства военного времени требовали от него действий быстрых и решительных. Император Александр I поручил ему сформировать две дивизии резервного войска. В личном рескрипте по этому поводу государь писал: «Делая вас военным начальником в пространстве империи от Ярославля до Воронежа в столь важное время для России, Я доказал такую доверенностию Мое расположение к вам. Нужно Мне было иметь для сего поручения чиновника, соединяющего возвышенный чин, долговременною и усердною службою отечеству приобретенный, и имя с честью им носимое. Посему избрал Я вас. Не столь телесных трудов ваше назначение будет от вас

требовать, как соблюдения надлежащего порядка и устройства... Устроение же сего вверяемого вам войска, долженствующего служить последним оплотом империи, будет новою важною услугою Мне и отечеству».

Формирование резервного войска происходило в трудных условиях. Лобанову-Ростовскому было предоставлено право набирать людей из гарнизонных батальонов, стоящих в Вятке, Казани, Нижнем Новгороде, Костроме, Ярославле, Владимире, Тамбове и Воронеже, а также из числа взрослых и способных воспитанников военно-сиротских отделений. В августе 1812 г. некоторые сформированные им части уже выступили в поход.

Уступая напору полчищ Наполеона, русские армии, не давая генерального сражения, под недовольный ропот солдат и офицеров, откатывались в глубь страны, оставляя один за другим города неприятелю. Вражеские войска вступили в Вильно, Ригу, Липецк... 5 августа пал Смоленск. В то время главнокомандующий 2-й Западной армией Петр Иванович Багратион писал: «Я болен от непостижимых отступлений...» Такое же настроение было в русских войсках у многих.

8 августа главнокомандующим всеми русскими армиями был назначен генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. Весть о его прибытии в армию заметно вселила в войска веру в победу, подняла боевой дух солдат и офицеров.

Кутузов знал, что без генерального сражения Наполеона не остановить. Но выиграть решающую битву без пополнения армии свежими силами тоже нельзя. Поэтому основной вопрос, который интересовал главнокомандующего, это резервы.

Бонапарт подходил к Москве... К старой столице стягивались и русские войска, народное ополчение. Незадолго до Бородинского сражения М.И. Кутузов приказал Лобанову-Ростовскому направить к Москве по два полка из Костромы, Владимира, Рязани, Тамбова, Ярославля и Воронежа. 26 августа (7 сентября н.с.) 1812 г. произошло историческое сражение на Бородинском поле. После ожесточенной битвы необходимо было пополнить армию свежими силами, снабдить боеприпасами, продовольствием, фуражем. Кутузов принимал для этого все возможные средства. С этой целью он направил курьеров в Москву, к военному губернатору и главнокомандующему Ф.В. Ростопчину, в Петербург, к императору и в военное министерство, а также в места, где шло формирование резервов. Из Можайска

М.И. Кутузов

Кутузов требовал от Лобанова-Ростовского «наискорейшим образом» идти с полками к армии, предупреждая его, что «если помощь, которую я ожидаю, не последует в надлежащее время, то вся ответственность падет на вас».

Однако на все требования Кутузова и его штаба о присылке резервов следовали отрицательные ответы. Император запретил и Лобанову-Ростовскому выделять резервы, а без Высочайшего соизволения сделать он этого не мог, несмотря на отчаянные просьбы Кутузова.

В начале сентября Кутузов решил переформировать некоторые полки. В соответствии с приказом по армии от 9 сентября от каждой армии предписывалось переформировать по два полка: пехотному и егерскому. Из упраздненных полков предполагалось оставить по 60 офицеров, унтер-офицеров и барабанщиков, которые под командой старшего офицера и со знаменами от упраздненных полков подлежали направлению в Нижний Новгород к князю Лобанову-Ростовскому. В его же обязанности входило доу-

комплектовать их и возвратить полки в действующую армию. Однако подошедшие к основным силам пехотные полки, численностью более 6 тысяч человек, под командованием генерал-майора Н.А. Ушакова, и подход частей генерал-майора В.А. Русанова из Рязани изменили эти планы. К Лобанову-Ростовскому были направлены лишь офицерские кадры девяти егерских полков для пополнения их свежими силами, что и было оперативно выполнено князем.

В течение сентября 1812 г. во Владимире, Костроме, Рязани и Тамбове срочно были сформированы восемь пехотных полков (по два полка в каждом городе), а в Ярославле и Воронеже — четыре егерских. Эти резервы составили затем две дивизии и поступили в распоряжение Кутузова, стоявшего в Тарутинском лагере.

Александр I изъявил Лобанову-Ростовскому «совершенную признательность» за его труды и за то усердие и рвение к службе, которое он проявляет.

Вскоре после этого, по указанию Кутузова, формирование для армии резервов сосредоточилось в трех главных пунктах: в Арзамасе — для пехоты, в Муроме — для кавалерии и в Нижнем Новгороде — для артиллерии. Основная масса резервов поступала в Арзамас. Здесь сосредоточилось свыше 70 тысяч войск. И именно сюда был направлен князь Лобанов-Ростовский. Кутузов поручил ему сформировать в Арзамасе 77 пехотных и егерских батальонов, то есть для каждого полка действующей армии по одному батальону.

Готовя в Тарутинском лагере контрнаступление, Кутузов большое значение придавал обучению войск. По этому поводу он писал Лобанову-Ростовскому, чтобы сформированные части он направлял в Тулу, Рязань и Владимир, где и оставлял их для обучения «оборотам, движениям и цельной стрельбе».

В начале 1813 г., в целях быстрее комплектования войск, действовавших вне пределов России, Лобанову-Ростовскому было поручено сформировать на границе резервную армию и принять над ней командование. Уже в феврале он начал отправлять к Варшаве подготовленные батальоны. 10 марта того же года Александр I писал ему: «Мне весьма приятно было видеть начало отправления батальонов за границу по рапорту вашему от 22 февраля. Я не ожидал иного от усердия вашего, и оставался всегда уверен, что никакое затруднение не сильно сделать вам остановки. Ожидание сие оправдано. Надеюсь, что и со-

Л.Л. Беннигсен

хранение людей в пути сопровождается будет равномерным успехом».

Вскоре после этого Лобанов-Ростовский получил все права главнокомандующего резервной армией, за исключением награждения орденами.

По отчету Лобанова-Ростовского, с марта по июль 1813 г., в действующую армию из резервов было направлено им 36 батальонов общей численностью 36 тысяч человек.

Энергичные действия Дмитрия Ивановича по подготовке свежих войск для армии получили благосклонную оценку императора, не раз выражавшего ему Высочайшую признательность. 26 марта «за труды, подъятые в продолжении кампании при формировании войск и, особливо, за оказан-

ное тогда усердие на пользу отечества скорым приготовлением и отправлением за границу составленных из рекрут батальонов», Лобанов-Ростовский был награжден орденом Св. Владимира 1-й степени.

Дворец наместника в Варшаве
(с гравюры начала XVIII в.)

25 мая император соединил резервную армию Лобанова-Ростовского с корпусом Д.С. Дохтурова и составленной из ополченцев армией П.А. Толстого, передав объединенное войско под командование Беннигсена. Лобанов-Ростовский не захотел служить под его началом и подал прошение об отставке. Александр I ее не принял. Более того, он написал ему: «Служение ваше полезно и нужно государству. Я уверен в вашем патриотизме и что по приверженности вашей ко Мне не откажитесь приносить служением вашим вящих польз».

Вместе со своим резервным войском Лобанов-Ростовский оказался в Варшавском герцогстве, где находился до декабря 1813 г. Здесь он сумел заслужить любовь жителей Варшавы тем, что добился прощения нескольких поляков, осужденных военным судом. Вся вина их заключалась в том, что они хотели доставить продовольствие своим родственникам, осажденным в Модлине. Но законы военного времени были суровы, и их приговорили к смертной казни.

Д.Н. Бантыш-Каменский

Вот что пишет об этом случае Д.Н. Бантыш-Каменский: «Какою скорбью поражено было сердце благородного военачальника, когда он известился о бедственном жребии, ожидающем заключенных! Чтобы понять это, надобно было знать его душу, исполненную сочувствия со всем высоким, сострадания к несчастью, любви к человечеству. Он решился ходатайствовать за виновных. В донесении его, написанном собственноручно, каждая строка ознаменована живейшею чувствительностью, свойственною возвышенным душам. Рука венценосного ангела подписала прощение осужденным. Получив это радостное известие, князь Дмитрий Иванович со слезами на глазах перечитывал несколько раз бумагу и из глубины сердца возсылал моление к Богу за великодушного Царя. В ту же минуту повестил он несчастных о благодеянии Государя. Молва об этом разнеслась по городу. Жены и дети осужденных бежали к местам, где они содержались, и вдруг повернули к дому князя Лобанова-Ростовского, чтобы взглянуть на своего благодетеля, без которого, говорили они, не было бы у них ни мужей, ни отцов».

16 декабря 1813 г. Лобанову-Ростовскому было «повелено» присутствовать в Государственном совете, оставаясь

при этом командующим резервной армией. В Высочайшем указе Государственному совету по этому поводу было отмечено следующее: «Генерал князь Лобанов-Ростовский оправдал в полной мере доверие ему сделанное: действующая армия усиливается ныне вторыми уже резервами, под ведением его сформированными... В воздаяние толиких услуг на пользу отечества оказанных генералом князем Лобановым-Ростовским, повелеваем ему присутствовать в Государственном совете».

27 апреля 1814 г. Лобанов-Ростовский «в награду его подвигов» был удостоен ордена Св. Андрея Первозванного. В рескрипте о награждении император отмечал: «Успехи оружия нашего непосредственно связаны с успехом формирования резервов, где так много оказали вы рвения и попечительности».

К обязанностям члена Государственного совета Лобанов-Ростовский приступил только в 1815 г., когда он вернулся в Петербург. В 1817 г. ему было поручено возглавить комиссию «для исследования всех действий провиантского департамента».

«ВЫ ОПРАВДАЕТЕ НАЗВАНИЕ: ОКО ИМПЕРАТОРСКОЕ»

Именным указом от 25 августа 1817 г. Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский был назначен министром юстиции и генерал-прокурором. В специальном письме по этому поводу Александр I писал ему: «Удостоверен в полной мере, что вы оправдаете в строгом смысле название, присвоенное инструкцией генерал-прокурору: око императорское».

Князю в это время было почти шестьдесят лет, и он уже не мог с прежней энергией заниматься делами. Давали о себе знать и старые раны, полученные во время походной жизни — здоровье было основательно расшатано, мучили головокружения.

Хотя ему и было довольно трудно осуществлять постоянный надзор за Сенатом, контролировать обер-прокуроров, руководить местным прокурорским надзором, заниматься судебными делами, однако он исключительно трудолюбиво выполнял свои обязанности и работал даже во время болезни.

Все же сказывались и привычки, выработанные за многие годы военной службы. Гражданское поприще требовало

инных подходов, других методов руководства. Поэтому Лобанов-Ростовский не вступал в столь жаркие схватки с сенаторами, как это делали такие генерал-прокуроры, как Г.Р. Державин или И.И. Дмитриев. Не мог он добиться и беспрекословного исполнения своих заключений, как это было при генерал-прокуроре П.В. Лопухине. Почувствовав некоторое послабление со стороны прокурорской власти, сенаторы стали все чаще и чаще «оговаривать» не только обер-прокуроров, но и самого генерал-прокурора. Для того, чтобы поставить на место сенаторов, потребовалось даже вмешательство императора. В Высочайшем рескрипте на имя министра юстиции от 29 июля 1821 г. отмечалось: «Усматривая, что некоторые сенаторы дозволяют себе в мнениях своих оговаривать предложения обер-прокурора и министра юстиции... Я говорю всем мою волю, что если Я желаю, чтобы они при решении дел излагали свое мнение свободно, не стесняясь ничем, и основывали суждение свое единственно на существе дела и на прямом разуме закона, то не могу допустить, чтобы они оговаривали предложения обер-прокуроров и министра юстиции. Таковые действия, не имея никакой существенной цели, противны порядку и несовместны с должностью Верховного Судилица; а потому каждый сенатор, по выслушании дела, изложивши свое мнение, когда при несогласии обер-прокурора и министра юстиции дано будет предложение, обязан объявить только, что он согласен с тем предложением, или остается при своем мнении».

Когда же требовалось защитить человека, особенно, по его мнению невиновного, Лобанов-Ростовский не считался ни с какими трудностями, без всякой боязни говорил правду любому. По свидетельству Д.Н. Бантыш-Каменского однажды министр юстиции смело заступился перед Александром I за одного чиновника, очерненного в мнении императора. Он сказал по этому поводу, что «совесть повелевает ему так поступать в этом случае, потому что неугодное заключение Государя сделает и саму жизнь этому человеку несносною».

В одном из донесений на имя Александра I, доказывая невиновность осужденных людей, Лобанов-Ростовский писал: «Всемиловитивейший Государы! Где же правда в нынешнем веке и найдет себе защиты, как не в освященной Особе Вашей? Потому я и не скрыл никаких подробностей от Вашего Императорского Величества».

При Лобанове-Ростовском был принят ряд узаконений, имевших важное значение как для деятельности Прави-

тельствующего сената, так и для работы министерства юстиции. В частности, в октябре 1817 г. и апреле 1818 г. были подписаны указы о некотором улучшении должностного положения чиновников, служивших в Сенате и министерстве юстиции, а также в подведомственных им местах: увеличена их штатная численность, значительно повышено жалованье, остававшееся неизменным более пятидесяти лет.

Для того, чтобы разгрузить от следственных дел 5-й департамент Сената, при нем к двум имеющимся было открыто 3-е отделение. В 1824 г., по предложению министра юстиции, всем присутственным местам было строго предписано, что в случае каких-либо встречающихся противоречий в законах, при вынесении своих решений «испрашивать надлежащего разрешения у верховного правительства (то есть Сената — *Авт.*) с должною для подчиненного места покорностию».

Лобанов-Ростовский добился принятия постановления, чтобы за упущения по должности обер-прокуроры отвечали только перед судом общего собрания департаментов Сената.

Незадолго до вступления Лобанова-Ростовского в должность министра юстиции его предшественник Трощинский, осмотрев генерал-прокурорский дом, нашел его в таком ветхом состоянии, что даже не решился в нем жить. По его поручению главноуправляющий гоф-интендантской конторы граф Литта дал предписание архитектору Минчаки разработать проект реконструкции здания.

Став министром юстиции, Лобанов-Ростовский нашел проект совершенно негодным и забраковал его. По предложению министра новый проект и смету для генерал-прокурорского дома составил архитектор Руссо, причем уложился в гораздо более скромную сумму. Для строительства здания была создана особая экспедиция. В ноябре 1818 г. все работы завершились.

В том же году Лобанов-Ростовский был назначен председателем комитета, образованного «для изыскания средств к уменьшению расходов по военному министерству». Суммы ассигнований на это ведомство тогда достигали значительных размеров. Он внес немало дельных предложений, и император это запомнил. В 1822 г. встал вопрос о военном министре. Александр I предложил этот пост Лобанову-Ростовскому. Последний, объективно оценив свои силы и возможности, счел необходимым отказаться от этого назначения. Он писал императору: «С глубочайшим благовением и

признательностью принимаю я предложение Вашего Императорского Величества, как новый опыт Вашей ко мне доверенности; но, привыкши исполнять всегда свои обязанности со всею точностию, с душевным прискорбием осмеливаюсь представить Вам, Всемилостивейший Государь, что при всей готовности пожертвовать для Вас и самую жизнь, ныне от совершенного истощения, при старости сил и болезненных припадках, лишен я возможности действовать с прежнею напряженностью и неутомимостью, а всякое упущение по должности и могущее произойти от него справедливое нареkanie было бы для меня смертельным ударом... За верх благополучия счел бы я, и вменил бы себе в величайшую награду за пятидесятилетнюю службу, если бы Вашему Императорскому Величеству благоугодно было уволить меня от обоих министерств, оставив только для временных, по силам моим, поручений; но как ни пламенно это мое желание, воля Вашего Величества пребудет для меня священным законом».

Александр I с пониманием отнесся к побуждениям, заставившим князя отказаться от принятия военного министерства, но не согласился на отставку его с должности министра юстиции. Император ценил его способности, честность и порядочность, неоднократно изъявляя ему свою Высочайшую признательность за «успешный ход дел по министерству юстиции» и за «решение дел в Правительствующем сенате».

«СЛЕДУЯ ВНУШЕНИЮ ДОЛГА И ПРИСЯГИ»

Наступил ноябрь 1825 г. Когда в Петербург пришло известие о смерти Александра I, то на заседании Государственного совета встал вопрос — вскрывать или нет запечатанный и оставленный в Совете, секретный пакет, в котором содержалась воля покойного императора относительно наследника престола. Такие же пакеты находились в Сенате и Святейшем синоде.

Генерал-прокурор Лобанов-Ростовский, проявив завидную твердость, заявил, что до принятия присяги на верность императору Константину Павловичу он в Сенате пакет вскрывать не будет. В Государственном совете, по свидетельству А.Н. Оленина, министр юстиции сказал: «Все это вздор делают, великий князь Николай Павлович изволил присягнуть государю императору Константину Павловичу. Ведь покойный государь на мое имя такой же пакет

прислал для хранения в Сенате, но я его не распечатаю и им не покажу. Если вы здесь хотите пакет ваш раскрыть, то пора бы это кончить и сходку нашу распустить тем скорее, что мне нужно идти к присяге, и что я затем только и остался».

По предложению Лобанова-Ростовского сенаторы присягнули на верность Константину Павловичу. После этого министр направил в Варшаву обер-прокурора Никитина с решением Сената.

По поводу сенатской присяги П.Г. Дивов в своем дневнике отметил: «Министр юстиции князь Лобанов, прибыв в собрание, объявил печальное известие и предложил нам присягнуть законному наследнику престола Константину Первому. Сенат в полном составе отправился в сенатскую церковь, принес обычную присягу и, возвратясь в залу заседаний, постановил разослать немедленно по всей империи указы о присяге новому императору. В тот же вечер его величеству было послано донесение обо всем происшедшем. По этому поводу возник спор об отправке с этим известием сенатора; это предложение было сделано Егором Александровичем Кулешевым, но с ним никто не согласился. Я им заметил, что так как известие о кончине императора было сообщено Сенату генерал-прокурором, то только ему может быть предоставлен и выбор того лица, с коим донесение о присяге будет послано императору».

Константин Павлович, как известно, от престола отказался. 8 декабря 1825 г. он отправил из Варшавы на имя министра юстиции письмо, возвратив с ним и рапорт Сената о присяге. В нем он писал: «Служащий в Правительствующем сенате за оберпрокурорским столом коллежский советник Никитин доставил ко мне от вашего сиятельства пакет с надписью: Его Императорскому Величеству Константину Павловичу Всеподданнейший рапорт от министра юстиции.

Не почитая себя вправе принять оный, я обращаю его к вашему сиятельству с тем же самым чиновником, как мне по означенному титулу не следующий. Из отношения моего к его светлости председательствующему в Государственном совете, господину действительному тайному советнику 1-го класса князю Лопухину, от 3-го сего декабря, должны быть уже известны вашему сиятельству в подробности и причины, воспреещающие мне принять императорское достоинство. За сим остается мне токмо вкратце повторить здесь вам, что за учиненною всеми подданными при восшествии на престол блаженныя и вечно достойныя памяти государя

императора Александра Павловича присягою, в коем между прочим упомянуто, что каждый верно и нелицемерно служить и повиноваться должен, как его императорскому величеству императору Александру Павловичу, так и его императорского величества всероссийского престола наследнику, *который назначен будет*; а таковым по высочайшей воле покойного государя императора, явственно обнаруженной из бумаг, раскрытых в Государственном совете и подобных им, как ваше сиятельство объявили, хранящихся в Правительствующем сенате, назначено быть наследником всероссийского престола великому князю Николаю Павловичу, то вследствие сего Правительствующему сенату, яко блюстителю закона, следовало и следует в точности исполнить волю блаженных и вечнодостоинных памяти государя императора Александра Павловича».

18 декабря 1825 г. в общем собрании петербургских департаментов Правительствующего сената было прочитано указанное письмо. Сенат принял решение напечатать его и разослать «при указах для сведения ко всем военным и гражданским начальникам».

Но этому решению была дана лишь ограниченная гласность — предавать напечатанный листок воспретили. Сенатор П.Г. Дивов писал по этому поводу: «Это письмо имело гораздо более значения, нежели манифест и все приложения к нему. Напрасно его не обнародовали до катастрофы 14-го числа. Это лучше всего убедило бы тех, кто питал какие-либо сомнения, и не дало бы возможности заговорщикам-якобинцам воспользоваться неведением войск».

Новый император Николай I, хотя и не подал вида, но принципиальную позицию, занятую Лобановым-Ростовским в сложный период междуцарствия, забыть и простить не мог. Первое время в их взаимоотношениях все оставалось благополучно. Более того, Николай I поручил Лобанову-Ростовскому исполнять должность генерал-прокурора в Верховном уголовном суде над декабристами. В специальном «Обряде» заседаний Верховного уголовного суда, утвержденного императором, отмечалось, что день и час открытия заседания назначаются с Высочайшего разрешения «повесткою от министра юстиции». Все члены Верховного уголовного суда должны были собираться в доме присутствия Правительствующего сената. В зал они вводились министром юстиции и занимали места «по словиям».

Николай I

Судебное присутствие должно было открываться чтением Высочайшего манифеста об учреждении суда. Министр юстиции представлял членам суда вскрытые акты следственной комиссии. Все вопросы предлагаются суду председательствующим, разрешаются судом или единогласно, или простым большинством голосов, которые собираются обер-прокурором. Он же вместе с двумя помощниками ведет и протокол.

Подсудимые предстали очно перед своими судьями только один раз. Их собрали в небольшом, совершенно непригодном для таких целей зале комендантского дома в Петропавловской крепости. Вначале ввели тех, кто был отнесен к первому разряду, всего 12 человек. Одни судьи располагались за столом, другие, вследствие недостатка места, — на возвышенном помосте, устроенном в углу правой стороны комнаты. Зал был забит стражей.

Вот как излагает в своих «Записках» момент объявления приговора один из декабристов Александр Викторович Поджио, отнесенный к первому разряду «злоумышленников» и приговоренный вначале к смертной казни, замененной впоследствии двадцатью годами каторжных работ: «По количеству столпившихся здесь лиц и по малому размеру комнаты, судьи, подсудимые, стража — все стеснены и «взяты в тиски». Все выходы заняты: двери на замок, окна на крючки, гренадеры охраняли то и другое. Стало жарко, невыносимо душно, солнце 10-го июля!...

Министр юстиции Лобанов-Ростовский первый перед нами; он волнуется на стуле и беспрестанно то вскакивает, то садится. Впрочем, он был известен по всегдашней своей суетливой горячности, он же, как видно, и хозяин дома и дела; — он один распоряжается, начальствует и дает всему направление и движение. Боевой генерал второстепенного разряда, он отличался в особенности бескорыстием и честностью, но в деле правосудия, не знаю насколько он мог быть ему полезен!.. Облекшись в свой полный генеральский мундир... держал в руках большой сверток бумаг, который, разбирая по частям, вручал стоящему около обер-прокурору Журавлеву (будущему сенатору), в свою очередь, тут же передававшему его какому-то юноше-чиновнику... Затем нас свели, поставили лицом к лицу к этим судьям-истуканам, не подавшим ни одного не только голоса человеческого, но и малейшего признака хотя бы животного зверства? Итак, суд не состоялся в виде даже русского законовещения: мы не были допрошены, выслушаны, не требованы к оправданию, к защите, дозволенной, указанной законом. Верховный уголовный суд считал такой способ действия обременительным для людей, столь озабоченных государственными делами, и нашел гораздо удобнее положиться на указания Следственной комиссии и принять их в неизменное руководство. Вполне освященные указаниями Комиссии, чересчур убежденные ее доводами и выводами, вперед направленными к непременно обвинению всех нас, судьи эти не могли и не

должны были требовать от нас ни дополнений, ни объяснений, ни оправдания. Для них в этих тысячных показаниях, вызванных под гнетом стольких вероломных и пошудительных влияний, в этих показаниях, говорю я, было столько ясности, столько юридической, строго разобранной и представленной истины, что следовало только подвести итоги приговоров и казней!»

Приговор по делу декабристов состоялся. В него внес свою лепту и князь Лобанов-Ростовский. По свидетельству литератора А.И. Кошелева, «слухи о предстоящем приговоре Верховного суда» не переставали волновать общество. Никто не ожидал смертной казни лиц, «признанных главными виновниками возмущения». «Во все время царствования Александра I, — писал далее Кошелев, — не было ни одной смертной казни, и ее считали вполне отмененной».

С. Гессен замечает: «О деятельности в Верховном уголовном суде министра юстиции князя Д.И. Лобанова-Ростовского сохранился замечательный отзыв императора Николая, сообщавшего матери, что работа суда идет успешно, несмотря на «глупость князя Лобанова».

Вскоре после казни декабристов, 22 августа 1826 г., в Москве состоялась коронация Николая I. Кошелев отмечает, что въезд императора в Москву, коронация и связанные с этим событием придворные балы, а также многочисленные балы у вельмож и иностранных послов — все это происходило под «тяжким впечатлением совершившихся казней». Многие под разными предлогами уклонялись от участия в торжествах. В основном, на них были только лица, обязанные к тому по службе. Среди этих последних был и министр юстиции Лобанов-Ростовский. «Император был чрезвычайно мрачен, — вспоминает А.И. Кошелев, — вид его производил на всех отталкивающее действие; будущее являлось более чем грустным и тревожным».

В день коронации император Николай I по традиции «одаривал» наградами сановников, наиболее «отличившихся» в только что закончившемся процессе. Не был обойден вниманием и Лобанов-Ростовский — император, несмотря на отзыв о нем, наградил генерал-прокурора алмазным знаком ордена Св. Андрея Первозванного «в доказательство особенного благоволения к усердной службе».

В начале января 1827 г. Николай I удостоил Лобанова-Ростовского Высочайшего рескрипта. В нем он писал: «Я читал, с отменным удовольствием, представленный ^{Мне} вами краткий отчет о состоянии дел по Министерству ^{вам}

вверенной за минувший 1826 год. Мне приятно было заметить, что невзирая на необыкновенное количество дел, составляющее слишком 2.850.000, поступивших в том году на рассмотрение разных судов в империи, весьма немногие, по соразмерности, остались нерешенными, и что от сего ускорения в отправлении правосудия число арестантов, простиравшееся в течение года до 127000, везде значительно уменьшилось, так что не превышает 4900 человек. Сию похвальную деятельность судебных мест, ознаменованную столь утешительным для сердца Моего последствием, я приписываю стараниям вашим, тому рвению, которое всегда отличало вас на поприще службы и которое вы, как достойный начальник, умели передать и подчиненным своим. Изъявляю вам мою искреннюю признательность и поручаю объявить благоволение мое тем из ваших подчиненных, кои, по мнению вашему, заслужили оное своим усердием, постоянством в трудах, всего же более чистотою намерений и бескорыстием. Надеюсь, что новыми еще важнейшими успехами в будущем, исполнятся Мои душевные желания, чтоб возможная, при надлежащем внимании и точности, скорость в течении дел, предупреждала умножение оных, чтоб повсюду в Государстве личная безопасность, собственность, все права каждого из любезных Мне подданных, были охраняемы судом не лицеприятным и чтоб постановленные в блюстители правды, побуждались в своих действиях одним чувством долга, уважения к святости законов, данных Престолу клятв и правил чести. И в сем да поможет Нам благословляющий добрые начинания Бог».

При Николае I князь Лобанов-Ростовский оставался министром юстиции менее двух лет. За это время ему все же удалось добиться принятия некоторых узаконений. Так, в Петербурге в 1827 г. вместо одного было открыто два общих собрания Сената. Первое состояло из трех департаментов и решало вопросы по Высочайшему повелению, по делам казенным, а второе — из двух департаментов, 4-го и 5-го и межевого, и решало дела, связанные с разногласиями в департаментах. При первом общем собрании был создан также комитет по вопросам искоренения лихоимства.

Министру юстиции было предписано ежемесячно представлять императору донесения губернских прокуроров о всех замеченных ими упущениях и халатности при производстве дел. Ему предоставлялась возможность вносить на Высочайшее рассмотрение приговоры по делам в отно-

шении невменяемых и малолетних, если с ними были несогласны начальники губерний. Он следил также за тем, чтобы Правительствующий сенат «под видом изъяснения образа исполнения по решениям, уже состоявшимся, не допускал суждений, клонящихся к изменению самих решений».

Незадолго до отставки Лобанова-Ростовского, в августе 1827 г., произошло событие, вызвавшее гнев императора. Однажды, явившись «без всякого предуведомления» в Сенат около 10 часов утра, Николай I приказал дежурному чиновнику «вести его по всем местам». Каково же было его удивление и возмущение, когда, войдя в одну-другую комнату, он не встретил ни одного сенатора или обер-прокурора. Он натолкнулся только на двух обер-секретарей, один из которых был к тому же в «партикулярной» одежде.

Во 2-м департаменте император, наконец, увидел сенатора П.Г. Дивова и обер-прокурора Владиславлева. «Его Величество подал мне руку, — вспоминал Дивов. — Я повел его из департамента в департамент. Он сказал мне сначала на ухо: «Это кабак», затем повторил это слово очень громко. Я заметил, что хорош только зал общего собрания. — «Действительно, он красив», — сказал государь, войдя в этот зал. Оттуда я повел его в 1-й департамент, но государь туда не зашел. Уходя, он поручил мне передать моим товарищам сенаторам, что он был у них с визитом, но никого не застал».

Николай I поручил разобраться с этим вопросом своему статс-секретарю Н.Н. Муравьеву. 11 августа 1827 г. тот во всеподданнейшей записке доносил, что по регламенту Петра I, в летние месяцы заседания в Сенате должны начинаться в 8 часов утра. Однако «по силе рода нынешней жизни мало найдется людей, довольно сильных, чтобы быть в состоянии долго перенести регламентом учрежденный порядок присутствия», — писал Муравьев. И далее: «Никто из государственных людей, без крайней нужды, не выезжает из дома ранее 9-ти или 10-ти часов утра. Поэтому император Александр I в 1805 г. постановил членам сената съезжаться в присутствие между 10 и 11 часами утра».

Но Николая I эти доводы не убедили. Он пишет Лобанову-Ростовскому: «Гг. сенаторам собираться безотговорочно в указанные часы по регламенту и о тех, кои сего не исполняют, узнав причину, доносить Мне при еженедельных табелях».

На основании этого указания министр юстиции сделал соответствующее предложение Сенату. Кроме того, он поручил специальным циркуляром обер-прокурорам Сената «наблюдать за точным исполнением Высочайшего повеления, а заодно и за тем, чтобы чиновники приезжали в Сенат не только в мундирах, но и по всей форме».

Поскольку выполнить указание Николая I оказалось весьма затруднительно, так как многие сенаторы были преклонного возраста, Лобанов-Ростовский подал доклад императору, в котором просил установить присутственные часы в Сенате с 9 или 10 часов утра до двух или трех часов пополудни. Николай I вынужден был сдаться. Через статс-секретаря Муравьева он передал указание, чтобы сенаторы непременно съезжались в присутствие к 9 часам утра и оставались в заседании «до разрешения всех предложенных им к слушанию дел». Канцелярские же служители обязаны были являться не позднее 8 часов утра.

Не менее чем недисциплинированность чиновников высшего государственного учреждения возмутило Николая I и состояние самого здания Сената: теснота, убогость и неопрятность помещений. Поэтому он поручил Лобанову-Ростовскому «немедленно составить проект для приличной отделки помещений Сената и канцелярии его по образцам Главного штаба, Инженерного замка и Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии». Министр юстиции возглавил особую комиссию, которая занялась разработкой плана капитальной перестройки всего здания Правительствующего сената. Николай I лично утвердил проект. Стоимость всех работ, с отделкой и мебелью здания составила 1,8 млн. рублей. На время строительных работ Сенат занял помещение на Васильевском острове, в здании бывших коллегий. Работы по реконструкции здания Сената завершились только в 1834 г..

Случались в Сенате и другие происшествия. Особенно остро реагировали на попытки подкупа чиновников. Однажды некий Романовский, чтобы ускорить решение по делу, направил по почте обер-секретарю Васильеву 500 рублей. Тот деньги не принял и доложил о «подношении» министру юстиции Лобанову-Ростовскому. Министр, в свою очередь, сообщил об этом случае Николаю I. Император направил такой рескрипт: «Объявленный вами поступок обер-секретаря Васильева в неприятии доставленных к нему по почте пятисот рублей от некоего Романовского, Я нахожу согласным с нравами честного человека; ибо, следуя внуше-

ниям долга и присяги, не можно не обидеться подобною наглостью приносителя, но и ничего особенного в нем не вижу, кроме исполнения своей обязанности. Поручаю вам объявить сие Васильеву и предложенную ему сумму 500 рублей отдать на пользу заведений здешнего приказа общественного призрения; о присылке же оных денег Романовским надлежит собрать установленным порядком сведения и если откроется, что он точно их посылал, то предать виновного суждению по законам».

«БЫТЬ ПОЛЕЗНЫМ ОТЕЧЕСТВУ»

18 октября 1827 г. Лобанов-Ростовский был освобожден от должности министра юстиции. При отставке император Николай I оставил ему министерское содержание и в Высочайшем рескрипте выразил уверенность, что здоровье его «позволит ему и впредь быть полезным Отечеству».

Князь Лобанов-Ростовский, которому шел уже семидесятый год, продолжал оставаться членом Государственного совета, хотя выезжал в заседания от случая к случаю, когда позволяло здоровье.

Современники отмечали, что Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский отличался вспыльчивым, горячим характером, отвагою. В то же время был добрым, правдивым и сострадательным человеком. Он мог, например, отказаться в пользу малоимущих сослуживцев от значительной ренты, пожалованной ему императором. Он содержал на своем иждивении некоторых детей своих боевых товарищей: капитана Ланга, генерал-майоров Далгема, Ставицкого, Русанова, устроил их в воспитательные учреждения. На свое попечение он принял все семейство капитана Бордукова, который в одном из сражений спас ему жизнь, а капитану Сухотину, некогда служившему под его командованием, он выплачивал от себя пенсию.

В битвах Лобанов-Ростовский себя не щадил, да и на гражданской службе не знал отдыха. По свидетельству Д.Н. Бантыш-Каменского Лобанов-Ростовский «в малом теле вмещал душу великую». Главным его правилом было «забывать свой покой для пользы других».

Скончался Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский в 1838 г., на 80-м году жизни и похоронен на берегу реки Невы недалеко от Санкт-Петербурга.

Д.И. Лобанов-Ростовский детей не имел. Его родные братья — старший Александр Иванович, и младший —

Яков Иванович также достигли высокого положения в обществе. Александр Иванович дослужился до чина генерал-майора. Яков Иванович служил одно время обер-прокурором 5-го департамента Правительствующего сената, затем генерал-губернатором Малороссии, был членом Государственного совета, а в конце жизни занимал должность обер-камергера, то есть руководителя Свиты Его Императорского Величества.